DOI: 10.25629/HC.2026.11.14
УДК: 159.923
ВАК: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Сухов Анатолий Николаевич, доктор психологических наук, профессор, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, a.suhov@.rsu-rzn.ru

МАССОВЫЕ ДЕСТРУКТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация

В статье представлен теоретико-аналитический подход к изучению массовых деструктивных конфликтов и кризисов на региональном уровне. Актуальность темы определяется тем, что современные региональные процессы все чаще разворачиваются в условиях нарастающей социальной напряженности, информационного давления, рисков радикализации массового поведения и трансформации локальных противоречий в кризисные формы. Цель исследования состоит в уточнении социально психологических механизмов возникновения, эскалации и распространения массовых деструктивных конфликтов в их связи с кризисными процессами регионального масштаба. Методологическую основу составили системно комплексный подход, историко-сравнительный анализ, а также положения социальной психологии, конфликтологии и кризисологии. Обосновывается тезис о том, что регион должен рассматриваться не только как административно территориальное образование, но и как динамическое пространство очаговой напряженности, масштабы которого определяются интенсивностью конфликтогенных и кризисогенных процессов. Показано, что массовые деструктивные конфликты формируются не изолированно, а во взаимосвязи с социальной напряженностью, массовыми эмоциональными состояниями, различными типами толпы, паническими реакциями, институциональными дефицитами управления, межэтническими противоречиями, экстремизмом и терроризмом. Делается вывод о необходимости разработки междисциплинарной модели превенции и преодоления региональных конфликтно кризисных процессов, основанной на ранней диагностике напряженности, повышении доверия к институтам и укреплении интегративной социальной идентичности.

Ключевые слова

массовый деструктивный конфликт, кризис, регион, социальная напряженность, толпа, паника, экстремизм, терроризм, социально психологическая конфликтология, кризисология

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

Sukhov A.N., Doctor of Psychological Sciences, Professor, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, a.suhov@.rsu-rzn.ru

MASS DESTRUCTIVE CONFLICTS AND CRISES AT THE REGIONAL LEVEL: A SOCIO PSYCHOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract

The article presents a theoretical and analytical approach to the study of mass destructive conflicts and crises at the regional level. The relevance of the topic is determined by the fact that contemporary regional processes increasingly unfold under conditions of growing social tension, informational pressure, risks of radicalization of mass behavior, and transformation of local contradictions into crisis forms. The purpose of the study is to clarify the socio psychological mechanisms of the emergence, escalation, and spread of mass destructive conflicts in their relation to crisis processes of regional scale. The methodological framework includes a systemic and comprehensive approach, historical comparative analysis, and the provisions of social psychology, conflict studies, and crisisology. It is argued that the region should be considered not only as an administrative territorial entity but also as a dynamic space of focal tension, the scale of which is determined by the intensity of conflict generating and crisis generating processes. The article shows that mass destructive conflicts are formed not in isolation but in connection with social tension, collective emotional states, various types of crowds, panic reactions, institutional governance deficits, interethnic contradictions, extremism, and terrorism. It is concluded that an interdisciplinary model of prevention and overcoming regional conflict crisis processes is needed, based on early diagnosis of tension, increased trust in institutions, and strengthening of integrative social identity.

Keywords

large-scale destructive conflict, crisis, region, social tension, crowd, panic, extremism, terrorism, socio-psychological conflict studies, crisis studies

Введение

Проблема массовых деструктивных конфликтов и кризисов на региональном уровне сохраняет высокую научную и практическую значимость в силу того, что именно на этом уровне наиболее отчетливо проявляется переход от локального неблагополучия к масштабной дестабилизации социальной среды. Современные региональные процессы разворачиваются в условиях роста неопределенности, усложнения структуры рисков, усиления медийного влияния на массовое сознание и обострения противоречий между ожиданиями населения и ресурсами институционального реагирования. В этом контексте конфликт и кризис следует анализировать не как автономные явления, а как взаимосвязанные процессы, способные образовывать единый деструктивный контур социального развития.

В научной литературе накоплен значительный потенциал для анализа современных рисков, социальной модернизации, национальных и групповых противоречий, а также особенностей массового поведения в ситуациях нестабильности (Beck, 2010; Giddens, 2003; Wallerstein, 2003; Сухов, 2021a, 2021b, 2025). Вместе с тем сохраняется теоретическая проблема разграничения ключевых понятий. Категории конфликта, кризиса, социальной напряженности, экстремаль-

ного массового поведения и региональной дестабилизации нередко используются как взаимозаменяемые, что ослабляет аналитическую точность и снижает прикладную ценность выводов. Поэтому требуется более строгая концептуализация предметного поля.

Цель статьи состоит в том, чтобы уточнить социально психологическую природу массовых деструктивных конфликтов и кризисов на региональном уровне, выявить механизмы их взаимосвязи и обосновать методологические основания их предупреждения и преодоления. Объектом исследования выступают массовые деструктивные конфликты и кризисы в региональном измерении. Предметом исследования являются социально психологические механизмы их возникновения, эскалации и распространения.

Методология исследования

Статья носит теоретико-аналитический характер. Методологическую основу составляют системно комплексный подход, позволяющий рассматривать конфликт и кризис как взаимосвязанные уровни социальной дестабилизации, а также историко сравнительный и социально психологический анализ. Использование системного подхода представляется оправданным, поскольку исследуемые явления имеют многослойную природу и формируются под воздействием социальных, экономических, культурных, управленческих и информационных факторов (Giddens, 2003; Давыдов, 2000). Социально психологическая оптика необходима для выявления механизмов заражения, подражания, групповой поляризации, аффективной мобилизации и трансформации индивидуальных переживаний в коллективное действие (Ортега и Гассет, 1991; Основы социально психологической теории, 1995).

Теоретическим основанием исследования выступают также положения о социальной модернизации, общественных рисках, кризисе идентичности и конфликтности социокультурных трансформаций (Beck, 2010; Козловский, Уткин, & Федотова, 1995; Мнацаканян, 2008; Панарин, 2005). Для интерпретации экстремальных форм конфликтного поведения учитываются положения работ по социальной психологии безопасности, конфликтологии и кризисологии (Сухов, 2021b, 2021c, 2026).

Регион как социально психологическое пространство напряженности

В традиционных гуманитарных и общественных науках регион обычно определяется как территория, обладающая относительной целостностью и отличающаяся от других территорий совокупностью природных, экономических, культурных и социальных признаков. Однако в рамках социально психологического анализа этого определения недостаточно. Регион следует рассматривать также как динамическое пространство очаговой напряженности, масштабы которого определяются не только административными границами, но и интенсивностью деструктивных процессов, характером коллективных переживаний и скоростью распространения конфликтогенных состояний.

Такое понимание позволяет объяснить, почему отдельный локальный эпизод может приобретать региональное значение. Очаг напряженности может возникнуть в доме, на улице, в организации, в районе или городе, но при определенных условиях, в частности при высокой восприимчивости населения к угрозе, дефиците доверия к институтам, неблагоприятном информационном фоне и наличии уже существующих противоречий, быстро расширяет свои социальные границы. Следовательно, региональность в данном случае является не только пространственной, но и процессуальной характеристикой.

ISSN 2074-2029
https://humancapital.su/

Массовый деструктивный конфликт как форма кризисного развития

Массовый деструктивный конфликт на региональном уровне можно определить как форму социального противоборства, в которой значительное количество участников вовлекается в действия, нарушающие общественную безопасность, усиливающие социальную дезорганизацию и создающие предпосылки для кризисного развития территории. Деструктивность здесь выражается не просто в наличии несогласия или протеста, а в переходе к таким формам поведения, которые ведут к разрушению каналов институционального урегулирования, росту страха, насилия, социальной поляризации и травматизации населения.

Принципиально важно, что массовые деструктивные конфликты не существуют сами по себе. Они возникают во взаимосвязи с социальной напряженностью, кризисом доверия, ощущением несправедливости, групповыми страхами и представлениями о небезопасности социального порядка (Сухов, 2021a, 2021b). В этом отношении кризис не является только следствием конфликта. Во многих случаях он выступает и его условием, и его средой, и его ускорителем. Когда социальная система утрачивает способность к предсказуемому регулированию противоречий, конфликт быстрее принимает массовые и деструктивные формы.

С этой точки зрения оправдан вывод о том, что конфликт и кризис образуют единый аналитический комплекс. Конфликт задает вектор противоборства, а кризис раскрывает степень разрушения привычных механизмов контроля, координации и нормативного порядка. В условиях региона такое наложение проявляется особенно отчетливо, поскольку именно здесь макросоциальные деформации получают конкретное поведенческое выражение.

Социальная напряженность как предпосылка эскалации

Социальная напряженность выступает одним из основных предикторов массовых деструктивных конфликтов. Она формируется при сочетании объективных и субъективных факторов. К объективным факторам относятся ухудшение качества жизни, экономическая нестабильность, сокращение рабочих мест, долговая нагрузка, территориальные диспропорции развития, экологическое неблагополучие, криминализация среды. К субъективным факторам относятся переживание унижения, чувство бесперспективности, недоверие к власти, ощущение угрозы идентичности и ожидание социальной несправедливости (Кравченко, 1989; Beck, 2010; Сухов, 2025).

Особенностью социальной напряженности является ее очаговый и одновременно диффузный характер. Возникнув в локальном сегменте социальной структуры, например, на предприятии, в моногороде, в аварийном жилом районе или в среде социально уязвимых групп, она при неблагоприятных обстоятельствах распространяется на более широкие общности. Это объясняется не только сходством проблем, но и действием механизмов социальной идентификации, эмоционального заражения и символической солидаризации. Именно поэтому отдельная забастовка, протест или чрезвычайное происшествие способны запустить цепную реакцию в масштабах города или региона.

Особую роль здесь играют информационные процессы. Слухи, фрагментарные сведения, эмоционально окрашенные интерпретации и недостоверные сообщения нередко становятся катализаторами коллективной тревоги и агрессии. В условиях высокой неопределенности неофициальная информация заполняет дефицит объяснений и может выполнять мобилизационную функцию, особенно если она совпадает с уже существующими ожиданиями угрозы.

Психология толпы и механизмы массового деструктивного поведения

Одним из центральных механизмов эскалации региональных конфликтов выступает толпа как особая форма массового поведения. В социально психологической традиции толпа рассматривается как динамическая общность, в которой усиливаются процессы внушения, подражания, эмоционального заражения и снижается уровень индивидуального самоконтроля (Ортега и Гассет, 1991; Основы социально психологической теории, 1995). Для понимания массовых деструктивных конфликтов принципиально важно, что толпа не всегда возникает стихийно. Она может быть преднамеренно спровоцирована посредством символически сильных действий, слухов, провокаций, блокирования транспорта, ультимативного давления, демонстративных актов саморазрушения, захвата заложников и иных технологий дестабилизации.

В зависимости от доминирующего эмоционального и поведенческого режима толпа может быть окказиональной, экспрессивной, конвенциональной или действующей. Наибольшую угрозу представляет действующая толпа, которая в критических ситуациях принимает форму панической, агрессивной или стяжательной массы. Именно здесь конфликтный потенциал переходит в кризисный. Паника, бегство, давка, погромы, нападения, мародерство и коллективное насилие становятся уже не просто выражением недовольства, а показателем слома нормативного порядка.

Паника заслуживает отдельного внимания. Она представляет собой форму массовой реакции на реальную или мнимую угрозу, в которой рациональная оценка ситуации уступает место аффективному импульсу спасения. При этом паника может возникать не только в условиях техногенной или природной опасности, но и в экономической, политической, межэтнической и информационной сферах. В современном обществе, где скорость распространения сообщений чрезвычайно высока, панические реакции получают дополнительные каналы усиления. Следовательно, работа с паникой должна пониматься как важнейший элемент региональной безопасности.

Факторы региональной кризисогенности

Региональная кризисогенность формируется на пересечении структурных проблем и событийных триггеров. Структурные проблемы включают социальное неравенство, безработицу, слабость среднего класса, кризис доверия к институтам, неразвитость механизмов социальной интеграции и дефицит управленческой эффективности (Козловский и др., 1995; Смит, 2004; Сухов, 2021а). Событийные триггеры связаны с авариями, эпидемиями, террористическими актами, межэтническими инцидентами, конфликтами на предприятиях, резким ростом цен, транспортными сбоями и иными обстоятельствами, которые могут запускать эмоционально насыщенную массовую реакцию.

Особую опасность представляют территории, где уже накоплен опыт коллективной травмы или хронического неблагополучия. В таких условиях население демонстрирует повышенную чувствительность к любым сигналам угрозы, а локальный конфликт быстрее получает интерпретацию как симптом общего разрушения социального порядка. Это усиливает риск радикализации, переводит недовольство в символически нагруженные формы и облегчает мобилизацию протестной, экстремистской или криминальной активности.

Межэтнические противоречия, экстремизм и терроризм

Одним из наиболее сложных проявлений массовых деструктивных конфликтов на региональном уровне являются межэтнические противоречия. Их нельзя сводить исключительно к культурным различиям или особенностям менталитета. В большинстве случаев межэтническое напряжение опосредовано борьбой за ресурсы, политическое представительство, символический статус, безопасность, контроль над территорией и доступ к институтам (Smith, 2004;

Hobsbawm, 2002; Мнацаканян, 2008). Социально психологическая специфика таких конфликтов заключается в высокой роли стереотипизации, образа врага, групповой памяти и эмоциональной мобилизации.

Крайними формами деструктивной эскалации становятся экстремизм и терроризм. В социально психологическом измерении терроризм следует понимать не только как насильственную практику, но и как стратегию воздействия на массовое сознание посредством страха, шока и демонстративного разрушения чувства безопасности (Сухов, 2021с, 2026). Террористический акт направлен не только на непосредственных жертв, но и на широкий круг наблюдателей, для которых формируется переживание уязвимости и невозможности контроля над ситуацией. Именно поэтому последствия терроризма имеют выраженный стрессо травмирующий и кризисогенный характер.

Экстремистские движения действуют по сходной логике упрощения социальной реальности. Они предлагают простые и радикальные решения сложных проблем, строят мобилизацию на противопоставлении своих и чужих, легитимируют насилие как способ восстановления справедливости и тем самым блокируют институциональные способы разрешения конфликтов. На региональном уровне это особенно опасно, поскольку уже существующие напряжения получают идеологическое обрамление и переводятся в устойчивую практику деструктивного действия.

Перспективы превенции и преодоления

Эффективная работа с массовыми деструктивными конфликтами и кризисами на региональном уровне возможна только при условии междисциплинарного и превентивного подхода. Прежде всего необходима ранняя диагностика очагов социальной напряженности. Она должна включать мониторинг общественных настроений, доверия к институтам, динамики локальных конфликтов, тревожности населения, распространения слухов, состояния межэтнических отношений и конфликтного потенциала трудовых коллективов. Без такой диагностики управление неизбежно становится реактивным и запаздывающим.

Не менее значима публичная коммуникация власти с населением. В кризисной ситуации информационный вакуум усиливает тревогу, способствует легитимации неофициальных интерпретаций и облегчает радикализацию массового поведения. Следовательно, точная, своевременная и вызывающая доверие коммуникация должна рассматриваться как самостоятельный инструмент конфликтопрофилактики.

Стратегически важным направлением является укрепление интегративной социальной идентичности. Полиэтничное и социально дифференцированное общество может сохранять устойчивость только в том случае, если его развитие опирается не на сегментацию и иерархизацию групп, а на общее гражданское пространство, равенство возможностей и снижение избыточной социальной поляризации (Сухов, 2021а; Сухов, 2025). Там, где отсутствует переживание общего мы, региональные конфликты легче переходят в травматические и длительные формы.

Заключение

Массовые деструктивные конфликты и кризисы на региональном уровне представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных социальных и социально психологических процессов. Их возникновение обусловлено сочетанием структурных противоречий, очаговой социальной напряженности, кризиса доверия, дестабилизирующих информационных воздействий и механизмов массового эмоционального заражения. Регион в этом контексте должен пониматься не только как административная единица, но и как динамическое пространство, в котором локальные события способны масштабироваться до уровня кризиса.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что массовый деструктивный конфликт является не просто формой социального противоборства, а индикатором более глубокого нарушения механизмов социальной регуляции. Его связь с кризисом проявляется в разрушении нормативного порядка, институциональной координации и чувства безопасности. Особую роль в этих процессах играют феномены толпы, паники, межгрупповой поляризации, экстремизма и терроризма.

Научная значимость статьи заключается в уточнении социально психологического понимания региона как очагового пространства конфликтогенности и кризисогенности, а также в обосновании необходимости анализа конфликта и кризиса в единой исследовательской рамке. Практическая значимость состоит в том, что результаты могут быть использованы при разработке программ мониторинга социальной напряженности, профилактики радикализации и повышения устойчивости региональных систем управления.

Библиография

Бодалев, А. А. & Сухов, А. Н. (ред). (1995). *Основы социально психологической теории.* Международная педагогическая академия.

Давыдов, Ю. Н. (2000). Постмодерн и социология. В *История теоретической социологии, т. 4.* Канон.

Ефимов, А. (1988). Элитные группы, их возникновение и эволюция. *Знание сила, 1*, 37–44.

Кожинов, В. (1997). *Судьба России: вчера, сегодня, завтра.* Воениздат.

Козловски, П. (1997). *Культура постмодерна*. Республика.

Козловский, В. В., Уткин, А. И., & Федотова, В. Г. (1995). *Модернизация: От равенства к свободе.* Издательство Санкт Петербургского университета.

Кравченко, И. И. (1989). *Власть и общество.* Мысль.

Мнацаканян, М. О. (2008). *Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире.* Анкил.

Ортега и Гассет, Х. (1991). Восстание масс. В *Эстетика. Философия культуры*, с. 309, 350. Искусство.

Панарин, А. С. (2005). *Русская культура перед вызовом постмодернизма*. Издательство Института русской цивилизации.

Сухов, А. Н. (2015). Организованная преступность и коррупция. *Российский следователь, 14*, 18–21.

Сухов, А. Н. 2021a. *Социальная модернизация.* Юнити Дана.

Сухов, А. Н. 2021b. *Социальная конфликтология*. Юнити Дана.

Сухов, А. Н. 2021c. *Социальная психология безопасности: теория и практика.* Юнити Дана.

Сухов, А. Н. 2025. *Социальная психология современного общества: теория и практика.* Юнити Дана.

Сухов, А. Н. 2026. *Социально психологическая кризисология: теория и практика преодоления*. Юнити Дана.

Beck, G. (2010). *Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний*. Логос.

Giddens, A. (2003). *Устроение общества: Очерк теории структурации*. Академический проект.

Hobsbawm, E. (2002). Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе. В *Нации и национализм.* Праксис.

Smith, A. D. (2004). *Национализм и модернизм*. Праксис.

Wallerstein, I. (2003). *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. Логос.

Поступила в редакцию: 16.10.26 Принята к публикации: 20.11.26